

Семантика запаха в поэзии А. Ахматовой

(в кн.: Анна Ахматова и Николай Гумилев в контексте отечественной культуры: Материалы междунар. научно-практ. конф. (Тверь - Бежецк, 21-22 мая 2009 г.). – Тверь: Научная книга, 2009. – С. 36-39)

Характеристика художественного мира поэта выстраивается, как правило, с учетом репрезентаций зрительных и слуховых ощущений. Эта очевидная посылка соотносима как с данными феноменологии восприятия, выделяющей в качестве наиболее информативных именно эти формы (М. Мерло-Понти), так и с философской традицией различения «теоретических» и «нетеоретических» форм чувственности (Г.Ф.В. Гегель). Запахам в художественной картине мира, тем самым, априори отводится второстепенное место. Бытует мнение, что это недостаточно «окультуренная» и, следовательно, весьма мало поддающаяся анализу сфера восприимчивости. «Доаналитический» и «доязыковой» характер обонятельных ощущений во многом выносит их за пределы художественного дискурса, делает систему их репрезентаций семантически обедненной.

Нужно сказать, что такое положение дел отнюдь не универсально и не может рассматриваться в качестве самоочевидной посылки анализа. Более того, интерес современной филологии к формам представления в литературе чувственных впечатлений¹ позволяет акцентировать именно то, что в наибольшей степени сопротивляется смысловому структурированию. Не случайно на стыке гуманитарных наук, осваивающих культуру повседневности, в последнее время можно отметить всплеск интереса именно к «нетеоретическому» в чувственности, и, в частности, к запахам². Обонятельная сфера рассматривается как наиболее наглядная сфера «воспитания чувства», их целенаправленного «взрачивания» и, в силу этого, как репрезентант смыслопорождающих механизмов культуры. Закономерно, что в последние

¹ См., напр. *Studia Russica XXI*. – Budapest, 2004.

² Ароматы и запахи в культуре: В 2-х кн. – М. : Новое литературное обозрение, 2003

годы все чаще появляются филологические работы, где сфера запахов рассматривается в качестве значимого фактора передачи смысла¹.

Запах как феномен, в котором пересекаются чувственное и интеллигибельное, осязаемое и смысловое, эстетическое и внеэстетическое, является одним из значимых аспектов художественной реальности в акмеизме. Мир акмеизма, определенный ранее как «звучащий» (Р. Тименчик) или «зримый» (М. Робинс), есть, вместе с тем, мир, источающий запахи. При этом, что существенно, это отнюдь не случайное обстоятельство, но факт, мотивированный логикой развития эстетической системы как системы «адамической», устремленной к «первозданному». На такой вывод наталкивает уже высказывание И. Анненского, значение которого для самоопределения акмеизма едва ли требует комментария. Запах, или «нюханье», в его интерпретации, – это воплощенная «тоска человека, который осмыслил в себе бывшего зверя и хочет и боится им быть»². Не менее выразительно признание Н. Мандельштам, отметившей, что О. Мандельштам, «человек удесятеренной чувственности», высоко ценил «резкие обонятельные ощущения», чувствовал запахи, к которым большинство людей «остается равнодушным»³. Акмеистическое стремление подавать «семантически важные моменты <...> как бы обложенные гарниром вкусовых, обонятельных, зрительных, моторных ощущений» было нацелено на эффект полнокровности и миметической многогранности впечатления⁴. Запаху, способному, по словам Н. Гумилева, «нарушить постылое равновесие центробежной и центростремительной силы духа»⁵, в этой системе координат отводилось далеко не самое последнее место. Эстетическая релевантность запаха достаточно очевидна и для А. Ахматовой, в поэзии которой присутствует немало обонятельных номинаций.

---

¹ Павлова Н.С. Лексика с собой «запах» в языке, речи и тексте: Автореф. дис. ... канд. фил. наук. – Екатеринбург, 2006; Одинцова М.В. Художественно-стилевая роль лексико-семантического поля «запах» в произведениях И. Бунина: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. – М., 2008.

² Анненский И.Ф. О современном лиризме // Анненский И.Ф. Книги отражений. – М. : Наука, 1979. – С. 351.

³ Мандельштам Н.Я. Вторая книга. – М. : Вагриус, 2006. – С. 464.

⁴ Сегал Д. Литература как охранная грамота // *Slavica Hierosolymitana*. – 1981. – Vol. V/VI. – С. 192

⁵ Гумилев Н. Путешествие в страну эфира // Гумилев Н. Собр. соч. : В 4-х т. – Т. 4. – М. : Терра, 1991. – С. 73.

Семантика запаха в поэзии Ахматовой определяется взаимосвязью нескольких представлений. Одно из них связывает с запахом функцию *перцептивного фона*, имеющего «фабульный», конкретно-ситуативный смысл, и в этом отношении противостоящего «сюжетному» движению переживания. Запах втянут в систему оппозиций чувственное / интеллигибельное, внешнее / внутреннее, второстепенное / сущностное, он маркирует «многослойные» или «окраинные» состояния. Он «второстепенен», но второстепенен в знаково отмеченных ситуациях: «Я говорю сейчас словами теми, / Что только раз рождаются в душе. / Жужжит пчела на старой хризантеме, / Так душно пахнет старое саше»¹ (I, 45); «Бензина запах и сирени, / Настрожившийся покой... / Он снова тронул мои колени / Почти не дрогнувшей рукой» (I, 122). Запах сопровождает семантика интриги, начала; он составляет чувственный фон любовного разговора: «Сладок запах синих виноградин... / Дразнит опьяняющая даль. / Голос твой и глух, и безотраден. / Никого мне, ничего не жаль» (I, 26); «Сквозь стекло лучи дневные / Известь белую пестрят... / Свежих лилий аромат / И слова твои простые» (I, 25).

Неструктурированность обонятельных ощущений, их сравнительно бедная словесная нюансировка для поэта не столько недостаток, сколько возможность использовать отсылку к запаху как универсальную смысловую формулу. «Невыразимость» обонятельного ощущения, иными словами, делает его способным передавать суммарное впечатление от явлений, выступать в «реферативной» роли. Запах получает способность репрезентировать весь ассоциативно-смысловой контекст, что с ним связан: «Мимоза пахнет Ниццей и теплом» (I, 127), «И Азией пахли гвоздики» (II, 2; 25), «Свежо и остро пахли морем / На блюде устрицы во льду» (I, 120). Знакомство с новым пространством начинается с запаха: «Цветов и неживых вещей / Приятен запах в этом доме» (I, 159), при этом запах может выступать обозначением для всего экстраординарного и заслуживающего упоминания: «Но, верно, вспомню на

---

¹ Ахматова А. А. Собр. соч. : В 6 т. – М. : Эллис Лак, 1998. (в дальнейшем все цитаты приводятся по этому изданию с указанием тома, книги и страницы в скобках).

лету, / Как запылал Ташкент в цвету, / Весь белым пламенем объят, / Горяч, пахуч, замысловат» (II, 1; 51). В поздней ахматовской лирике статус запаха как универсального кода не только не сходит на нет, но повышается; более того, запах начинает рассматриваться в роли «адсорбента» реальности, вбирает в себя остальные формы чувственности: «Как слепоглухонемая, / Которой остались на свете / Лишь запахи, я вдыхаю / Сырость, прелость, ненастье / И мимолетный дымок...» (II, 2; 32).

Способность к различению тонких обонятельных ощущений получает соотнесенность с семантикой «нового», впервые увиденного или пережитого: «Замечаю все как новое. / Влажно пахнут тополя» (I, 56); «Каждый день по-новому тревожен. / Все сильнее запах спелой ржи» (I, 160). С семой «новое» соотносится сема «предельное»: запах открывает доступ к новым сферам естества: «Уже душистым, раскаленным ветром / Сознание мое опалено» (I, 263); «Крепкий запах морского каната / Задрожавшие ноздри обжег» (I, 185). В совокупности все эти признаки делают закономерным соотнесение обонятельных впечатлений с формами эмоционально насыщенного, «окраинного» бытия. Возрастающая сила запаха, переходящего в «душное» и «угарное», связывается с ситуацией волнения, душевного беспокойства, тревоги: «Прижимаю к сердцу крестик гладкий: / Боже, мир душе моей верни! / Запах тленья обморочно-сладкий / Веет от прохладной простыни» (I, 557); «Страшно мне от звонких воплей / Голоса беды, / Все сильнее запах теплый / Мертвой лебеды» (I, 60). Формами конкретизации «тревожного» нередко оказываются эротическое и творческое.

Запах в ахматовской лирике непосредственно вовлечен в ситуацию флирта, призван очаровывать и околдовывать: «Или стану просить у знахарок / В наговорной воде корешок / И пришлю тебе страшный подарок – / Мой заветный душистый платок» (I, 353). Тотальность любовного переживания маркируется покоренностью запахом: «Руки голы выше локтя, / А глаза сильней, чем лед. / Едкий, душный запах дегтя, / Как загар, тебе идет» (I, 65). Запах недвусмысленно соотносится с тайной красоты; аромат цветов, оттеняя

аромат волос, выступает ее осязаемым конденсатом: «В их ночи душно-смоляной, / Повитой сладостною тайной, / Они надышатся весной / Ее красы необычайной» (I, 210). Неразрывно связанные с любовными отношениями, ароматы оказываются не только их знаком, но и компрометирующей уликой: «А сердцу стало страшно биться, / Такая в нем теперь тоска... / И в косах спутанных таится / Чуть слышный запах табака» (I, 107).

Предельность и новизна, связанные с запахами, ассоциируются со сферой творчества. Муза в ахматовском стихотворении вдохновляется, как пифия, запахами: «Глаза закрыв и распустивши косы, / И томною была и утомленной / От запаха тяжелых синих ягод / И пряного дыханья дикой мяты» (I, 147). Суммарное впечатление насыщенности поэтического высказывания неизменно включает в себя обонятельные характеристики: «Это – теплый подоконник / Под черниговской луной, / Это – пчелы, это – донник, / Это пыль, и мрак, и зной» (I, 473). Ситуация инспирации также рисуется с помощью образов, отсылающих к миру запахов: «Как вороны кружатся, чуя / Горячую, свежую кровь, / так дикие песни, ликуя, / Моя насылала любовь» (I, 369). В нескольких случаях текст и запах совпадают в семантике «мимолетного», «тленного»: «Вместо праздничного поздравленья / Этот ветер, жесткий и сухой / Принесет вам только запах тленья, / Привкус дыма и стихотворенья, / Что моей написаны рукой» (II, 2; 29).

Способность запаха фиксировать целостное впечатление от ситуации в сочетании с сопутствующей ему семантикой предельности и новизны делает его важным *мнемоническим феноменом*. В поэзии Ахматовой запах нередко служит целям фиксации события в памяти: «Да, я любила их, те сборища ночные, – / На маленьком столе стаканы ледяные, / Над черным кофеом пахучий, тонкий пар...» (I, 290). Изменение способности воспринимать ароматы служит маркером духовных перемен, затрагивающих все существо человека: «Был светел ты, взятый ею / и пивший ее отравы. / Ведь звезды были крупнее, / Ведь пахли иначе травы» (I, 82). Запахи оказываются знаковыми вехами событий – и личного, и общественного порядка: «Изумрудною

стала вода замутненных каналов, / И крапива запахла, как розы, но только сильней» (I, 393); «Пахнет гарью. Четыре недели / Торф сухой по болотам горит» (I, 198). Закономерно, что именно запахи выступают лучшими проводниками в прошлое, воскрешая его полнокровно и чувственно конкретно: «И в памяти черной, пошарив, найдешь / До самого локтя перчатки, / И ночь Петербурга. И в сумраке лож / Тот запах и душный и сладкий» (II, 2; 79); «Иланг-илангом весь пропал вокзал, / Не тот последний, что сгорит когда-то, / А первый, главный – Белый зал...» (III, 19; ср.: VI, 185).

Запах в поэзии Ахматовой оказывается еще и формой *структуризации впечатлений*, своего рода семантическим фильтром. В «словаре» или «каталоге» запахов, составляющем чувственный горизонт человека, есть особые связи «метафорического», ассоциативно-смыслового плана, и их обнажение может иметь характер духовного откровения: «Привольем пахнет дикий мед, / пыль – солнечным лучом, / Фиалкою – девичий рот, / А золото – ничем. / Водюю пахнет резеда, / И яблоком – любовь, / Но мы узнали навсегда, / Что кровью пахнет только кровь» (I, 423). В «помраченной» общественно-исторической реальности эти связи заглушены зловонием и запахом тлена, что многократно и в разных вариантах репрезентирует ахматовская лирика: «Из-под каких развалин говорю, / Из-под кого я кричу обвала, / как в негашеной извести горю / Под сводами зловонного подвала» (I, 457). Имя, «слившееся с клеветой», как «с благостным огнем тлетворный дым» (I, 407), «трупный запах прогнивших нар» (I, 437), «дух махорки и крепкий душный запах сапог солдатских» (II, 1; 211) суть тот фон, который заслоняет «свежесть слов и чувства простоту».

Возвращение к первоначальной остроте и свежести восприятия может рассматриваться как задача, равная по важности этически насыщенной работе памяти: «Господи! Ты видишь, я устала / Воскресать, и умирать, и жить. / Все возьми, но этой розы алой / Дай мне свежесть снова ощутить» (II, 2; 134). В этом смысле сила благоухания может рассматриваться как наполненная сакральным смыслом, открывающая в бытии измерение *чудесного и*

священного: «... И вдруг слова благоуханьем стали. / Казалось, что шиповник говорит / И голос ал, душист и свеж безмерно...» (II, 2; 192). Запахи сопровождают переход в потусторонность и выступают ознаменованием этого перехода: «Словно дочка слепого Эдипа, / Муза к смерти провидца вела, / А одна сумасшедшая липа / В этом траурном мае цвела...» (II, 2; 75); «Тянет ладаном из всех окон...» (III, 208); «И сыростью пахнуло гробовой...» (II, 1, 217). Вместе с тем запахи оказываются не только маркерами «истаивающей», исчезающей жизни, но и ретроспективно переживаемой полноты бытия: «О, как пряно дыханье гвоздики, / Мне когда-то приснившейся там, – / Это кружатся Эвридики, / Бык Европу везет по волнам» (II, 2, 196). Этот мотив возвращает «обонятельный» комплекс к тому исходному переживанию, которое определило основные направления развития ахматовской семантики запаха: «Я лилий нарвала прекрасных и душистых, / Стыдливо-замкнутых, как дев невинных рой, / С их лепестков, дрожащих и росистых, / Пила я аромат и счастье и покой» (I, 5).